

Они стоят в самом центре Ашхабада, обратив один к другому парадные подъезды: приземистое одноэтажное здание с обшпаклеванной штукатуркой и новенький дворец-гигант с античными колоннами и затейливой кровлей. У дворца — скульптуры и фонтаны, у здания — ни травники. Но зато когда Мексифостелл в одностанке, простирая костюмную дранку в сторону дворца, грохочет: «Сатана там правит бал», — во дворце возникает легкий переполох, и некоторые граждане накрывают собой от нечистой силы редис и дыни.

Мистика здесь никакой. В одностанковой заважюле — Государственный академический театр оперы и балета имени Махтумгули. Напротив, изукрашенный, словно храм всех муз — рынок. Остров этих строк не против рынка, хотя и считает, что воздвигать их можно в стороне от театров. Все поизносится в сравнении. И уродливое соседство недавно выросшего роскошного храма Меркурия с убогой хижинкой муз удивительно точно отражает сегодняшние отношения к вопросам культуры в туркменской столице.

Принято для начала две точки зрения на проблему. Году главный режиссер оперного театра Г. Барышев начал перечислять проблемы своего коллектива, ему не хватило пальцев на обеих руках, и, вздохнув, он повел отсчет по второму кругу. Не укомплектованы оркестр, театр и балет. Острая нужда в солистах. О материальной базе театра — ни слова. Но режиссер-поселенец не устроило бы и хороший сельский клуб. Недостатк костюмов. Оркестр уже давным-давно выступает не во фраках, а кто в чем. Бывает, даже в свитерах и шапках — зимой в зале ненамного теплее, чем на улице. Хористки разгуливают по сцене в босиконках и в тапочках — не холодно ли? Не режиссер ли деревенский меч в руках персонажа, изготовивший собственными силами, может переломиться в самый трагический момент действия, вызвав тем самым здоровый смех в зале.

В Министерстве культуры Туркменской ССР (име достояние, встречается со многими от правительственных работников) на дело смотрят куда как оптимистично:

— Развитие серьезного искусства — оперы, балета, классической музыки — заботит нас больше всего. Ежегодно посылает детей на учебу в Ленинградскую балетную школу. Открыли хореографический класс при республиканской музыкальной школе. Особо одаренных направляем сначала на учебу в вузы, а потом на стажировку в лучшие театры страны. Действует и свой институт искусств, который готовит вокалистов, музыкантов, дирижеров, концертмейстеров, музыковедов... Наш театр успешно гастролирует за пределами республики. Многие его выходы — это победы в международных конкурсах. Например, певица Ирина Удолова недавно зачислена в группу стажеров Большого театра СССР...

Прервал бойкий министерский отчет. И задал Министерству культуры республики не-

имел возможность убедиться, что оперный театр на столпы нашей Голливуда В. Брызгин не знает дела, во сколько обходится государство (исное дело, не он платит) занимаемый им двухкомнатный «люкс». Да что театры! Для 22—24-летних футболистов находится квартиры, о которых могут только мечтать даже ветераны театра.

Так что же для нас важнее. Замаинание всеми возможными благами спортивных «парав» или создание культурно-спортивных комплексов, доступных всем и каждому? К сожалению, в республике пока что явный дисбаланс не в пользу общества и его духовного здоровья.

Пойдем далее, анализируя серьезность отношения к развитию культуры и искусства в

...и никакой мистики

сколько наперанных вопросов. Как же так, что в условиях, когда «серьезное заботит больше всего», во время спектакля незанятые солисты во главе с главным режиссером... поют из-за кулис хоромы партий! Почему едва ли не на каждом спектакле руководство театра приходится прибегать к «палочке-выручалочке» — музыкантам из подпольного военного оркестра, и партии в военных гимнастерах играют на премьеры сложнейшие произведения с листа? Как играют другой вопрос. Спасибо, что хоть как-то помогают. Где те десетки вокалистов, музыкантов, концертмейстеров, которых готовят, так сказать, дома? И почему далеко не все стажеры, отправившись в другой город на определенный срок, приобретают обратный билет?

Не то, чтобы удерживать выпускников и вчерашних стажеров, оперный театр не может пригласить даже «готового», зрелого, именитого солиста. Квартиры? В горисполком громко захлопывают двери при одном этом слове. Расселить артистов в частном секторе, помогая им с оплатой, как это делают в некоторых республиках и областях? Финансисты Министерства культуры республики и районного исполкома не допускают. Гостиница? Да вы что! Это кому не допускается? Гостиница? Да вы что!

Поскольку есть небольшое отступление, которое тем не менее имеет прямое отношение к нашему разговору. Уж сколько твердилиось миру о спортивных меценатах и благоделательствованных ими «вирягатах». Ан, не торопятся в Туркмению удирать ни по тем, ни по другим. Республиканские спортивные общество «Колос» ежегодно привлекает для спасения хронически плетущейся в хвосте второй футбольной дивизиона команды очередного старшего тренера. Успехов пока ноль. Зато «спасители» неизменно живут в самом дорогом номере самого respectable отеля «Ашхабад».

Гостям нравится. Гости довольны. Недавно я

республике. Совсем недавно в городе прикрыли азартную «беспризорную» лотерею у входа в Центральный парк культуры и отдыха. Потеря эта была бесценным, надутельским делом. Прекратились и гостропи по республике печально известного в Туркмении цирка под руководством самозваного дрессировщика Н. Смолы. Но дух предпринимательства продолжал витать в местах массового отдыха людей.

И за дверю, ведущей в глубь каменного холмика с беседкой наверху (говорят, когда-то и тут играли в карты, а теперь — в шахматы), доносится музыка. Бьющий ритм неизвестного западного ансамбля перемешивается с ласкающей слух мелодией из восточного кинофильма. Студия звукозаписи — тоже своеобразный аттракцион в парке. Здесь царит почтенная «демократия платежеспособности», то есть за небольшие деньги можно записать практически все, что тебе пожелается. Включая ладни, которые не только женщинам и детям, но даже и суровым джигитам слушать не рекомендуется.

Объединенная дирекция парков культуры и отдыха Ашхабада — организация хозрасчетная, ее членские взносы составляют основу ее дохода. У каждой студии, разумеется, есть план. Но он таков, что для его выполнения оператору достаточно записать для клиентов... полторы магнитофонные кассеты в день. Специалисты считают, что это менее одной трети возможного. Неудивительно, что нынешний план не только выполняется каким-либо оператором, но и перевыполняется, что влечет за собой премиальные.

Теперь заглянем в сами студии (они здесь принадлежат разным ведомствам). Главные лица тут — операторы. Кто они — специалисты-музыковеды? Меломаны-любители? Ничего подобного. Они просто-напросто

владельцы аппаратуры. Да-да, той самой недостижимой для государственных культурных учреждений Туркмени. Высококачественная импортная аппаратура состоит в личной собственности людей, не желающих и не умеющих думать о критериях в искусстве, о нормальном художественном вкусе. Только по принципу владения аппаратурой предоставляется работа и помещение. Вещи и компьютеры выплачивают за амортизацию техники, причем поплаву.

«Музыканты от черной», как их часто окрестили в городе любители музыки, постоянно игнорируют утвержденный перечень разрешенных и запрещенных музыкальных записей, который составляет Ашхабадский городской

отдел культуры. Впрочем, и сами-то списки утверждал до недавнего времени не музыковед или хотя бы член любительского объединения эстрадной музыки. Заместитель заведующего городским отделом культуры А. Лобов пришел на эту должность, оставив приятное, но несколько несовместное по нашим временам место старшего оператора автозаправочной станции. Правда, для этого руковождению отдела пришлось под удобным предлогом сместить с должности специалиста с дипломом Московского института культуры, Лобов в отделе долго не задержался, оставив приятное, но несколько несовместное по нашим временам место старшего оператора автозаправочной станции. Правда, для этого руковождению отдела пришлось под удобным предлогом сместить с должности специалиста с дипломом Московского института культуры, Лобов в отделе долго не задержался, оставив приятное, но несколько несовместное по нашим временам место старшего оператора автозаправочной станции.

Недавно назначенная заведующей этим отделом Д. Караева сидит в своем служебном кабинете, расположенном почему-то в квартире жилого дома, с выражением тихого ужаса и тоски на лице.

Кадровые отчеты отдела можно брать за любой квартал любого года — нынешнего, прошлого, позапрошлого, пятидесяти... Их не отличить, потому что списываются они, судя по всему, с одного давнего оригинала. «В городе действуют семь клубных учреждений (в том числе четыре амклуба). В их составе действуют три районных амклуба, любительские объединения, кружки художественно-прикладного искусства...».

Не буду утомлять вас перечислением хоров и ансамблей песни и танца. Многие из них поселились в отчетность из сказок Шахерезады. Не будем голословны. Возьмем три районных дома культуры города Ашхабада. В Пролетарском районе амклуб на полтора десятка любителей-премиальщиков В Ленинском и того нет. Дом культуры в списках значится, однако помещения не имеет. В Советском — две комнаты в здании бывшей аптеки. Могут ли тут существовать двадцать два объединения, кружки и коллективы, насчитывающие 430 участников?

А вопросы об академическом хоре, ансамбле песни и танца, духовых оркестрах вообще вызвали у директора единственного реально существующего ДК М. Омадова настоящую панику. Откуда? Как? Есть только самодеятельный театр, но и он не показал за многие годы ни одного спектакля — негде показывать.

Есть и другие «загадки вса». Безвозвратно затерялся на крутых каменных дорогах следы колес трех из четырех автобусов. Где они сейчас находится и кто их туда увел, Д. Караева понятия не имеет, а предумышленно заведующему городским отделом культуры этих вопросов тоже никто не задает — ни министерство, ни органы, которые, говорят, любой автомобиль по дорожному отпечатку протектора отыскивают в три дня.

Но вернемся к оперному театру и его бюджетному — по отчетам министерства — благополучию. По одним справкам, лишь в минувшей пятилетке оперный «сезон» больше трети существующих дотаций Министерства культуры Туркменской ССР составил три миллиона рублей. Да еще дополнительные средства на проведение гастролей и капитальных ремонтов (что-то не видно следы миллиардной кисти на его фасаде) более 355 тысяч. Судя по другим официальным справкам, во втором квартале нынешнего года театр выполнил и даже перевыполнил план по количеству спектаклей, числу зрителей, размерам дохода. Но вот результаты истинные: вместо 94 спектаклей 66 вечерних спектаклей, зал был заполнен лишь на 34,5 процента, план по доходам выполнен лишь на 30,6 процента. Каким же образом удается в министерстве так ловко комбинировать цифры?

О комбинировании зрительской массы на «любительских» началах самим себе, слышу, царящую у театра, нарушают только марширующие «на культбюдах» воины да еще учащиеся ПТУ и школьники, которых учителя редко могут удержать на месте до конца спектакля. Причины? Смотрите начало этих заметок.

— Одну самую краткую пьесу Моцарта, один романс Глинки, грустно режиссировать главный режиссер театра оперы и балета Г. Барышев — не заменишь ведь и ста каскадных концертов «Пари-Франс-Танго», записанных в студиях предпринимательных операторов. Есть вечное и есть сиюминутное, обогащение души — и потребление...

Вечное и обогащающее в Ашхабаде пока что хиреет и вянет. Прощаете преходящее, «стелбное», не требующее напряжения сил и мысли. Сорник навязан, поселившийся на ашхабадской культурной ниве, растет привольно, все вокруг себя забивая. Ему угод и полив не нужны. Он сам себя выражает.

В. АРДАЕВ,
журналист.

АШХАБАД